

Михаил Алексеевич — наш новосибирец

Мне позвонили из редакции: «В первый номер газеты запланирован материал об академике Лаврентьеве. Расскажите об этом замечательном человеке, новом гражданине города на Оби...».

Академик Лаврентьев! Я мысленно повторил это имя и сразу же вспомнил заснеженный бор на берегу Обского моря, грохот экскаватора, роющего котлован института гидродинамики, и слова прораба: «Здесь будет институт академика Лаврентьева!».

И еще: полный тишины лесной уголок, куда мы поехали с начальником производственного отдела строительства научного городка.

— Здесь разбрасаем коттеджи для академиков! — рассказывал мой спутник и... вдруг взволнованно воскликнул: «Да что же он делает, Михаил Алексеевич! У меня же еще крыша не готова!».

За поворотом, возле нового бревенчатого домика, где строители застилали шифером крышу, стоял грузовик с книжным шкафом, диваном, столом. «Да, здесь будет жить академик Лаврентьев, — подтвердили рабочие, — только опередил он нас. Ждали его через две недели, а он, видишь, уже вещи прислал...».

Не случайно припомнилась эта поездка. Тогда, еще не встретившись с Лаврентьевым, я уже познакомился с его характером — ведь о человеке судят по его делам.

...А теперь предстояло встретиться с Михаилом Алексеевичем.

— Ждем его с часу на час! Самолет будет ночью, — ответили в филиале Академии наук, — позвоните утром.

Звоню утром. «Да, да, Михаил Алексеевич на работе! Он сказал, что обязательно выберет время для встречи и через полчаса сообщит...».

И действительно: через полчаса раздался телефонный звонок: «Академик Лаврентьев ждет вас завтра, в половине первого...». Вице-президент Академии наук Советского Союза глава ее Сибирского отделения в то утро был очень занят. Почти не отдохнув с дороги, он принимал ученых, подписывал десятки важнейших документов, решал в совнархозе массу важных дел по строительству научного городка, побывал на строительной площадке. И, обремененный огромным количеством забот, выбрал время для беседы. Замечательная эта черта характера — уважение к людям!

— Здравствуйте, здравствуйте! — как-то по-домашнему, радушно произносит очень высокий, не по годам подвижный человек и, выйдя навстречу, протягивает большую, сильную руку. Он похож на доброго старого школьного учителя. Очень простой костюм. Простое русское лицо с удивительно теплыми глазами, хорошая, молодая улыбка.

Я знал, что Михаил Алексеевич Лаврентьев двадцати двух лет от роду уже преподавал в старейшем русском вузе — Московском высшем техническом училище, что на сороковом году жизни он стал академиком, что он — автор более ста научных трудов, принесших ему мировую известность. Это — талант? Да, конечно. Но говорят, что талант без самозабвенного труда подобен

прекрасному дереву, лишенному корней. А Михаил Алексеевич, кроме таланта ученого, мыслителя, исследователя, обладает величайшей энергией, удивительной работоспособностью. Сложнейшие области высшей математики, теория крыла, теория взрыва, теория волн тяжелой жидкости, теория удара тела о воду, масса других проблем современной механики — все это его занимает, во все эти области науки он внес свой вклад.

«Высшая математика... теоретическая механика... теория...» — слушаешь его и как-то невольно представляешь себе тихий кабинет, уютные лаборатории. Но кабинет академика Лаврентьева — вся страна. Он, — виднейший теоретик и вместе с тем крупный ученый-практик.

— Как? — говорит он, легко и стремительно переходя из конца в конец большой комнаты, — чему же вы удивляетесь? Теория взрыва и проблема увеличения производства овощей? Нет связи? А вот и есть. Несколько лет назад по решению партии на Украине начали борьбу за изобилие овощей. Где взять землю под новые посадки? Решили: осушить приднепровскую пойму. И на основе теории взрыва мы предложили наиболее рациональные способы взрывных работ при прокладке осушительных дренажей.

А грозное явление природы «цунами»? Это — сильнейшее подводное землетрясение, причиняющее немало бед жителям Камчатки, Курил, Сахалина... Мы изучаем это явление и рады, что на основе наших изысканий уже можно заранее предупреждать население об опасности.

— Между прочим, — замечает академик, — там, на Камчатке, в 1956 году, созрела мысль переехать в Сибирь, где такие огромные просторы, такие богатства, такая необходимость в создании большой науки...

— Сибирь! Край великого будущего... А так как будущее принадлежит молодежи, так вот и решили мы с Сергеем Алексеевичем Христиановичем переехать сюда организовать в Новосибирске научный центр, где бы под руководством опытных ученых могла расти и развиваться наша талантливая молодежь, за которой еще немало великих открытий...

— Знаете, я очень люблю молодежь! — улыбнулся он своей чудесной располагающей улыбкой.

Это было первое «Я», произнесенное Лаврентьевым за почти двухчасовую беседу. Он так и говорил: «Товарищ Лаврентьев и Христианович обратились в ЦК партии с предложением...», «в числе учеников Лаврентьева — академики Келдыш и Седов, ученый Бицадзе и академик Ишлинский...».

Скромность. Удивительная работоспособность. Талант организатора. Обаятельность и теплота в обращении с людьми. Любовь к этим людям и забота о них. Вот из таких черточек складывается образ М.А. Лаврентьева. А это, как известно, черты большевика, черты настоящего советского человека.

— Наш новосибирец, — говорят жители Новосибирска о Михаиле Алексеевиче. За него они будут голосовать.

Николай МЕЙСАК

Вечерний Новосибирск.

1 марта 1958 г., № 1